

Восточная Сибирь использовалась российским государством как место ссылки еще с XVII века. Сюда отправлялись «за измены» бояре, дворяне, придворная знать, а также стрельцы, крестьяне, посадские, старообрядцы, пленные поляки, шведы. В этот период за Уральский камень попадали в основном участники неудавшихся дворцовых переворотов, жертвы интриг очередных временщиков. Были среди них и поляки.

Так, известно, что еще в 1668 г. Сибирский приказ расписал 22 шляхтича с семьями, посланных служить в сибирские города.

В 1775 году в Селенгинском уезде появились крестьяне, сосланные по воле помещиков вместе с беглыми раскольниками из Польши, получившие наименование здесь «семейских» или «поляков», по данным насчитывалось уже 1660 ревизских душ.

Первые политические ссыльные поляки стали прибывать в Восточную Сибирь вслед за декабристами. Это были участники национально-освободительного восстания 1830 г. Система их распределения в Сибири только складывалась, поэтому местные власти нередко были просто не осведомлены, каким образом и где надлежит организовывать их быт и работы. Так произошло, например, с Юзефом Сасиновичем, шляхтичем из-под Белостока, осужденным в «одну из крепостей Восточной Сибири» за участие в «деятельном и ревностном способствовании к распространению возмутительных преднамерений», а проще, за укрывательство участников восстания. Когда-то Сасинович сражался под знаменем Наполеона, был ранен, ослеп, в Сибирь отправился в сопровождении слуги крестьянина Адама Белявского. Уже в 1834 г. поляки прибыли в Иркутск, а отсюда, за неимением в губернии «крепостей», были отправлены в Петровский Завод.

Так как отдельных казематов для политических ссыльных на заводе не было, Сасинович, по распоряжению генерал-губернатора Н.С. Сулимы, был помещен в арестантскую полуказарму государственных преступников. За такое самоуправство Сулима незамедлительно получил внушение из Петербурга: «...при сем случае не могу умолчать, что как казарма Петровского Завода предназначена единственно для содержания государственных преступников, прикосновенных к известному Вам, милостивый государь, делу, то прежде распоряжения о помещении в оную Иосифа Сасиновича, следовало бы Вашему превосходительству предварительно испросить на сие установленным порядком надлежащее разрешение».

Подобным образом были отправлены в Сибирскую ссылку и ксендзы Антоний Ойжановский и Людвик Тенсеровский, обвинявшиеся «в сношениях с некоторыми из злоумышленников». Согласно приговору, их следовало без лишения сана содержать в «дальних римско-католических монастырях». За неимением оных, местные власти вынуждены были отправить священников в феврале 1835 г. в Тунку, а оттуда уже в августе этого же года, учитывая неурожай и дороговизну продуктов — в город Балаганск, где они и находились по 1842 год.

[ГАИО. Ф. 24. Оп. Оц. Д. 632. Отчет об управлении Восточной Сибирью за 1857 год.]

Политзаключенные в камере Александровского централа.

Находящихся под особым надзором полиции зафиксировано за 1857 год по Восточной Сибири 87, политических преступников — 76. Из первых, 10 — поведения порядочного и 5 — неодобрительного; сверх того 1 ссыльный сослан в Томскую арестантскую роту. Все остальные, равно как и политические преступники, отличаются хорошим поведением и покорностью местным властям.

Самых больших размеров достигла польская ссылка после подавления национально-освободительного восстания 1863–1864 гг. По разным источникам, в Сибирь за три года было отправлено от 18 до 22 тысяч польских патриотов. Часть ссыльных отбывали наказание в Восточной Сибири, в частности, на Нерчинской каторге, а затем выходили на поселение в Западное Забайкалье.

Сколько поляков было сослано в Западное Забайкалье после событий 1863 г., точных данных нет. Из «Отчета о состоянии Забайкальской области за 1865 год» следует, что по случаю происходивших беспорядков в Царстве Польском, только в Забайкальскую область и только за один год выслано «для употребления в каторжные работы на Нерчинских заводах 1595 политических преступников», которые были размещены частью в заводских зданиях, частью в зданиях, принадлежащих военному ведомству. [ГАИО. Ф. 24. Оп. ОЦ. Д. 686: ГАИО. Ф. 24. Оп. ОЦ. Д. 81.]

В 1860-е годы центром размещения политических ссыльных являлся Петровский Завод. С января по декабрь 1864 г. здесь находились ссыльные гарибальдийцы, участники польского восстания. В 1863 г. они были взяты в плен русскими войсками, осуждены в Варшаве на значительные сроки каторжных работ и доставлены в Западное Забайкалье. Гарибальдийцы прибыли из Иркутска в составе большой партии польских ссыльных, насчитывавшей не менее 74 человек.

Большая колония польских ссыльных сложилась в Иркутске. По воспоминаниям Агатона Гиллера, в городе было не менее 150 поляков. В 1868 г. из двух крупных столярных мастерских Иркутска по производству мебели одна — Роберт-

та Рейхарта — политического преступника. Здесь столяров, токарей и учеников работало 7 человек. Среди трех красильных заведений города одно принадлежало политическому преступнику Осипу Круликовскому.

О числе польских ссыльных в округах Иркутской губернии можно судить по следующим цифрам за 1871–1872 гг.: в Иркутском округе политических 794; Нижнеудинском — 290; Балаганском — 1090; Киренском — 43 и Верхоленском — 66, а всего — 2778 человек.

Ссыльные в Сибири.

Немало поляков были заняты тяжелым каторжным трудом. В ведомости политическим преступникам, находящимся в селе Лиственничном (Усолъе?) в заведывании зауряд сотника П. Попова на 3.01. 1866 г. 206 польских фамилий и имен. В ведомости политических преступников, находящихся в работах при Петровском железодельном заводе за сентябрьскую треть 1865 г. 160 польских имен (Л. 11-14). В Троицком сользаводе — 90 поляков. Конduitный список политическим преступникам, находящимся в Муравьевской гавани и г. Сретенске — 177 поляков (Л. 16–20). Против каждой фамилии стоит оценка за поведение. В основном, в деле записи: «поведения хорошего», но есть и «дерзок» или «вообще дурного поведения». В списке политических преступников в деревне Сиваковой (Нерчинский округ) — 903 польских фамилии. (Л. 89–107).

Местные жители охотно нанимали политических ссыльных на службу: «политики» были грамотными, вели дела честно, были обязательными и исполнительными, да и стоили меньше. Приведем строки из письма П.Д. Баллода, отбывшего каторгу на Александровском заводе, А.С. Фаминичину от 3 июля 1870 г. «Пишу Вам это письмо из Посольска, куда меня нелегкая принесла из Верхнеудинска больного. И сижу я здесь третью неделю и ожидаю, когда придет сюда какое-нибудь судно или пароход и увезет меня через Байкал. Когда я выезжал из Александровского завода, то мне предлагали несколько мест купцы и разные предприниматели с порядочным содержанием, и даже один бурят, у которого я покупал скот,

сказал мне: «Друг, оставайся здесь, я тебе дам 3 руб. в месяц жалованья и просто 500 быков, и ты торгуй, как знаешь». Разумеется, для меня прямой расчет был остаться там, но по правилам в Забайкальской области никого из государственных и политических преступников оставлять нельзя». [Политическая ссылка в Сибири. Нерчинская каторга. — Новосибирск, 1993. — Вып. II. — Т. 1. — С. 217–218.]

Если русские уголовный или политический ссыльный рвались из Сибири в Европейскую Россию, рассматривая ссылку как временное удаление из привычной среды, то поляки на месте поселения без промедления пускали прочные корни — обзаводились добротной усадьбой, домашним скотом, активно искали занятие своим способностям. Здесь они создавали семьи, растили детей, занимались предпринимательством, делали служебную карьеру.

Нередко ссыльные поляки столь крепко прикипали к сибирской земле, обзаводились хозяйством, что не могли все это бросить и немедленно вернуться на родину. Вот, например, показательное прошение Ф. Далевского Н.П. Дитмару, написанное после «высочайшего соизволения от 25 мая 1868 г. об облегчении участи политических ссыльных: «Так как я, имея свою мыловарню и для obsługi ея лошадей и быков, принужден был сделать запас на зиму, а именно сена и дров, которые я закупил у окрестных жителей, то покорнейше прошу Ваше превосходительство оставить меня на поселение в Забайкальской области. Ежели бы это было возможным, то оставить меня, по крайней мере, на один год. [Политическая ссылка в Сибири. Нерчинская каторга. — Новосибирск, 1993. — Вып. II. — Т. 1. — С. 213.]

Порядок распределения и условия пребывания польских повстанцев в Сибирской ссылке имели свои особенности. Так, согласно «Правил по устройству быта политических ссыльных, сосланных в Восточную Сибирь из Царства Польского и Западных губерний» поляки «в видах обеспечения их быта, распределялись по утверждению начальника губернии, применяясь к роду занятий каждого». Сосланные поляки, желавшие в местах поселения заняться земледельческим трудом, наделялись землей. Отдельным пунктом правила предполагали «водворять поляков-ремесленников, мастеров и прочих в казенные и все имеющиеся в губерниях частные заводы». Те же, кто устроил свое хозяйство, «при хорошем поведении» могли остаться на местах водворения и после окончания срока наказания.

Такое исключительное отношение к полякам было продиктовано, с одной стороны, хроническим недостатком в Забайкалье квалифицированных рабочих рук, с другой — преобладанием среди ссыльных людей столь дефицитных рабочих профессий. Вот, например, список поляков, изъявивших желание остаться после окончания срока ссылки в Забайкалье, составленный в апреле 1873 года. В списке 54 фамилии. Большинство поляков «испрашивали разрешение» поселиться близ Читы, а также на Нерчинских заводах. Девять человек предполагали остаться в Западном Забайкалье: Артецкий Константин — мыловар — Верхнеудинск; Брудницкий Иван — колбасник — Верхнеудинск; Дрейзонтен Ян — пильщик — Петровский Завод; Жоховский Игнатий — мыловар — Верхнеудинск; Ковальский Николай — портной — Петровский Завод; Игначевский Иосиф — слесарь — Тарбагатайская волость; Молиенко Иосиф — сапожник — Петровский Завод; Прушинский Иосиф — сапожник — Петровский Завод; Синдер Нохейм — булочник — Петровский Завод.

Как видим, в Восточной Сибири стремились остаться люди «простого звания», рабочих профессий и специальностей. Не случайно устройство поляков на прииски региона было максимально упрощено: желающим работать на добыче

золота, например, необходимо было всего лишь иметь одного поручителя, коим охотно выступал хозяин прииска, а также разрешение станового пристава. При этом переезды с прииска на прииск внутри одной компании, даже если они отстояли друг от друга на сотни километров, также не требовали особого разрешения, чем поляки широко пользовались, перемещаясь с одним «билетом» по всему краю. [ГАИО. Ф. 24. Оп. ОЦ. Д. 814. Л. 2 об.]

Несмотря на столь либеральное отношение, закон предусматривал относительно польских ссыльных и серьезные ограничения. Они не имели права заниматься частным извозом, воспитанием детей, «преподаванием наук» и искусств, содержать аптеки, фотографии и литографии, торговать вином, занимать какие-либо должности в правительственных учреждениях. Впрочем, особенностью польской ссылки было то, что польские изгнанники всегда с успехом занимались всем вышеперечисленным. Например, Петр Боровский после Нерчинской каторги занимался золотодобычей, имел собственные прииски, где охотно предоставлял работу нуждающимся полякам; Иосиф Валецкий изготавливал мыло и свечи; Франц Вардынский, Юлиан Иордан, Кароль Рупрехт служили в золотопромышленных компаниях, Алоизий Венда управлял маслоделательным заводом; Мечислав Зарембский имел земельный участок, вел сельское хозяйство, был записан в купцы третьей гильдии; Кароль Подлевский поставлял зерно горному управлению; Александр и Фелициан Карпинские основали в Верхнеудинском уезде фабрику по производству швейцарских сыров; К. Савичевский основал завод, на котором производил ежегодно мыла на 12 тысяч рублей и на 3,5 тысячи масла кедрового ореха, вел крупную торговлю в Кяхте; Иван Орачевский занимался медицинской практикой. [Тимофеева М.Ю. — Чита, 2001.]

Конечно же история Сибири и Прибайкалья изобилует примерами научного творчества поляков. Во второй половине 1880-х годов Б. Шварце и Аф. Михайлович обратились к директору Иркутской магнитно-метеорологической обсерватории с просьбой разрешить им организацию в Тунке постоянных метеорологических наблюдений. Директор, с одобрением встретив это предложение, «покорнейше» запросил губернское правление и получил ответ в декабре 1887 г. за подписью Иркутского вице-губернатора: «...нахожу вполне возможным разрешить поднадзорным производство метеорологических наблюдений в селе Тункинском, так как подобное занятие не исключается смыслом Высочайше утвержденного 12 марта 1882 г. Положения о полицейском надзоре и кроме того избавит этих поднадзорных от праздности, губельно влияющей на нравственность их состояния». [ГАИО. Ф. 25. Оп. ОЦ. Д. 5. Л. 3.]

Большая часть ссыльных поляков из крестьян, расселенных в селах Прибайкалья, уже в третьем поколении обрусели. Они пустили прочные корни на сибирской земле, пополняя податные сословия. Польское дворянство, наоборот, после амнистии в большинстве случаев выехало на родину.

Наш современник, профессор Вроцлавского университета А. Кучинский, указывая на созидательный, деятельный образ жизни ссыльных поляков, так писал о труде поляков: «Они искали какого-либо осмысленного места в этом новом для них пространстве, места не только в топографическом смысле, ибо таковое было им назначено царским приговором, но места осмысленного наполнения своей жизни в ссыльном отдалении, нередко свободной от арестантских рот, кандальной каторги или нелепого замыкания в тюрьмах и сибирских гарнизонах. Некоторые из этих ссыльных находили такое место, берясь за различные занятия — купечество,

золотоискательство, ремесла, земледелие, но были и такие, которые смысл ссыльного существования наполняли познавательной деятельностью в области географических, естествоиспытательских и этнографических исследований. Предпочтения, которые они внесли в свою ссыльную жизнь, обозначали каким-то способом новый горизонт их существования за пределами отечества». [Кучинский А. Польские известия о бурятах и их познавательная ценность (в переводе Б.С. Шостаковича) // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы: Сб. мат-лов межд. научн. конф. — Иркутск, 2001. — С. 287.]

Какова социокультурная роль польской ссылки? Если мы, изучая ссылку политическую, например, ссыльных большевиков, говорим прежде всего о роли революционизирующей, то роль поляков здесь в Сибири — прежде всего социокультурная. Каковы количественные составляющие этого вклада?

Сегодня надо констатировать, что до сих пор огромнейшая научная проблема, как польская ссылка в Сибирь или в Сибири, остается не исследованной и иллюстрируется на примере нескольких десятков предприимчивых поляков. Да, мы знаем тех, которые имели свечные заводы, были прекрасными музыкантами. А как жили тысячи безывестных поляков в Сибири, чем занимались? Да даже количественные показатели не установлены! Мы достаточно четко знаем, что ссыльных социал-демократов было столько-то, эсеров также. А сколько было поляков в первой половине XIX века, затем во второй? Этих данных нет. Вернее, они есть, но лежат в архиве.

А сколько поляков было всего, например, после восстания 1863 года? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, надо переписать десятки томов архивных дел со статейными списками. Тогда мы будем знать по крайней мере количество, год рождения, социальное положение, географию расселения и род занятий. Пока данных нет, история поляков в Сибири по-прежнему изучается по мемуарам на основе судьбы нескольких десятков поляков.